

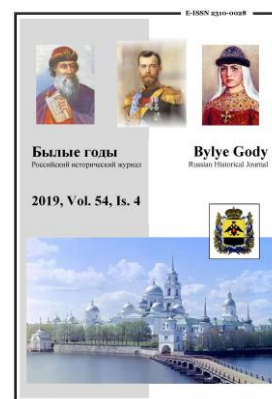
Copyright © 2019 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 54. Is. 4. pp. 1761-1771. 2019
DOI: 10.13187/bg.2019.4.1761
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

The Cossack Region of Russia in the Characteristics of Russian Travelers of the Modern Era

Nikolaj A. Mininkov ^{a,*}, Ludmila V. Mininkova ^a

^aSouth Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation

Abstract

Development at the turn of XIX–XX centuries of regional geography as a branch of knowledge, aggregate data about the country or its separate territories of different branches of geography and other scientific disciplines that were caused by the needs of the development of the travel and the expansion of contacts between people. This was facilitated by the intensification of business life in the course of the modernization that unfolded at that time. Hence there was a need to expand the range of sources of country knowledge, one of which was the description of travel, which is also a historical source, close in its features to the author's memories. In 1903–1904 two collections of such descriptions were published in Russia. Some of them belonged to the description of the Cossack regions by travelers. In these descriptions the authors about the Cossacks affected to varying degrees, authors or well-known Cossack, wrote General impressions in the course of their travels. Among the main topics covered by the authors were natural conditions and the place of man in the natural environment, social relations and relations in the Cossack regions in the process of modernization, especially culture and a combination of traditions and new phenomena. A significant place in them was given to man and his culture, the contacts of the Cossacks with the surrounding population, the formation of the culture of the Kuban Cossacks peculiar synthesis of little and great Russian culture. The descriptions testify to the peculiarities of the perception of Cossacks in Russia as a community with stable traditions, which poorly perceives social progress and modernization.

Keywords: country study, description of travel, A.Kruber, Cossack, modernization in the Cossack areas, social relations in Cossack regions, culture of the Cossacks.

1. Введение

Развитие страноведения как особой отрасли культуры, основанной на комплексе географических, исторических и других знаний о стране и об отдельных ее территориях, предполагало необходимость повышенного внимания к описаниям путешествий как об источнике географической, культурно-исторической, экономической и социальной информации. В 1903–1904 гг. в России была предпринята публикация двух сборников с описанием путешествий по территории государства. Среди них имелся ряд описаний земель, на которых располагались казачьи области, и проживающего на них населения. Анализ их содержания позволяет выявить не только особенности природы, хозяйства, социальной жизни и культуры этих областей и их населения, но и понять, как в России начала прошлого века воспринималось казачество, его традиционный уклад и особенности современной жизни.

Описания путешествий, или путешественные записки ученых, традиционно рассматривались как один из важных исторических источников, позволяющих получить более полное и конкретное представление о стране и ее населении (Тихомиров, 1962: 436-442; Источниковедение, 1981: 214-215). За последнее время С.А. Козлов с научными и познавательными целями исследовал русские описания путешествий XVIII – первой половины XIX вв. как особый феномен культуры своего времени и как

* Corresponding author

E-mail addresses: mininkov@aanet.ru (N.A. Mininkov)

источник (Козлов, 2003: 7). Описания путешествий по казачьим областям России из сборников 1903–1904 гг. до сих пор не изучались. Между тем они представляют интерес и с точки зрения материала для страноведения, и как исторический источник, относящийся к внутренней жизни, экономике, социальным отношениям и культуре населения на территориях проживания казачества и представлений о казачестве в России того времени.

2. Материалы и методы

Описания разными лицами казачьих областей Российской империи, помещенных в сборниках описаний путешествий по Азиатской и Европейской России начала прошлого века, до сих пор не вводились в научный оборот. Между тем они представляют интерес с точки зрения дополнительной информации о жизни казачества России того времени, о впечатлениях путешественников от посещения этих территорий, об особенностях записок путешественников как особого жанра литературы.

Анализ этих описаний опирается на методологический принцип историзма, в свете которого фактические данные и положения, содержащиеся в этих источниках, рассматриваются как отражение культурно-исторической ситуации в казачьих областях на рубеже XIX–XX вв. Метод социального анализа позволяет выявить отражение в них особенностей социального положения казачества. Историко-типологический метод дает возможность уяснить типологические особенности данного источника в рамках комплекса источников личностного происхождения и в рамках литературы географического и страноведческого характера.

3. Обсуждение

В качестве характерной черты географических описаний, делавшихся путешественниками, как источника выделяется авторский субъективизм, который с точки зрения представления об этих описаниях как об историческом источнике является как недостатком, так и весьма значительным достоинством. Выделяется при этом очевидное сходство таких описаний с мемуарами, поскольку писались они по памяти о путешествиях и отражали личные впечатления, которые потом воплотились в авторском тексте. Они поэтому субъективны в той же самой мере, в которой субъективны всякие мемуары. Они, по существу, и являются авторскими воспоминаниями, поскольку относятся к прошлому, к такому событию в жизни автора, как его поездка, к столкновению его в ходе этой поездки как носителя определенной культуры с другой для него культурной средой, которая произвела в той или иной степени на него впечатление. Как и в мемуарах, в описаниях путешествий автор, по словам советского источниковеда М.А. Варшавчика, выступает «организующим стержнем всего изложения», и «о чем бы он ни говорил, весь материал неизбежно организуется вокруг него» (Варшавчик, 1973: 315). Как указывала С.С. Минц, исследователь русских дворянских мемуаров, «субъективная природа мемуаров связана с отражением в них самосознания мемуаристов, именно поэтому эта черта может служить основой для обобщающей характеристики источников данного вида» (Минц, 1998: 84). То же самое можно сказать и про описания путешественников. Личность автора и его память, действительно, являются организующим центром повествования, и все, что написано им о стране и части ее территории, о ее природе и людях, основано на его памяти. Таким образом, описание путешествий вполне попадает под определение мемуарных источников, которое давал А.Г. Тартаковский, указывавший, что это – «повествования о прошлом, основанные на личном опыте и собственной памяти мемуариста» (Тартаковский, 1980: 24). В самом деле, для автора описания путешествия это было воспоминание о том, что случилось в прошлом, и основаны эти описания на личном опыте и памяти автора. В то же время М.Ф. Румянцева справедливо указывала на неполноту такого понимания мемуаров (Источниковедение, 2015: 352). Поэтому характеристика мемуаров, дававшаяся А.Г. Тартаковским, может быть дополнена указанием на то, что как явление культуры мемуары характерны для нового времени, поскольку автор уже сложился как личность. Он вполне осознает значимость своего личного опыта и стремится передать его. Но этот личный опыт содержится также и в описаниях путешествий. Ценность же субъективного восприятия автора, описывавшего страну или территорию, в том, что она позволяет понять, как взаимодействовали между собой авторская культура и культура описывавшейся земли и ее людей, на какой основе строилось в обществе восприятие другой культуры, что представляет для исторического исследования особый интерес. Такие описания могут рассматриваться как разновидность мемуаров.

4. Результаты

Путешествия на протяжении всей истории цивилизованного человечества составляли одну из важных сторон его культуры. Они способствовали удовлетворению такой естественной для человека потребности, связанной с рациональным и эмоциональным началом его личности, как стремление к познанию неизвестного, желание всемерно расширить межличностные и межкультурные контакты. Они были широко распространены еще в античном мире. Путешествие Геродота не только давало ему материал для своей «Истории», но и в значительной степени определило стиль его исторического мышления, в котором сформировалось представление о тесной связи между историей общества и его

культурой, с которой он конкретно ознакомился в ходе своего пребывания за пределами Греции. Средневековые путешествия определялись религиозными целями спасения души, это были хождения или паломничества. Поэтому направлялись они в строго определенные места, в Святую землю или в Мекку, в известные монастыри или религиозные центры. Предпринимались также путешествия с дипломатическими целями, как, например, путешествия Марко Поло и Гийома де Рубрука, или по торговым делам, как – у тверского купца Афанасия Никитина в Индию.

С начала нового времени путешествия стали более обычным и распространенным явлением, а поводы для них значительно более разнообразными. Благодаря путешествиям с научными целями, или экспедициям, происходили великие географические открытия и развертывалось научное изучение земли. Но нередко научно-исследовательские, дипломатические и торговые цели в ходе таких экспедиций совмещались, например, во время экспедиций Ричарда Ченслера (Алпатов, 1973: 285, 287) при Иване Грозном и Федоре Ивановиче и Адама Олеария при Михаиле Романове (Алпатов, 1976: 98-99), когда разведывание путей для торговли пересекалось с задачами осуществления связей между государствами. В России, благодаря европеизации дворянской культуры в результате реформ Петра I, постепенно появляются как новая форма путешествий заграничные поездки дворян с частными целями, а также поездки по России.

По мере их распространения начинает формироваться как особая форма русской письменной культуры целенаправленное описание путешествия. Оно отделяется от официальной документации о путешествиях XVII в., которую составляли статейные списки послов с отчетами о поездке. Первыми сочинениями такого рода в России были записки о поездке в Италию петровских дипломатов Б.П. Шереметева и П.А. Толстого, в которых имелись не только сведения политического и дипломатического характера, но и результаты интересных личных наблюдений за внутренней жизнью страны и народа. Вместе с тем научные экспедиции ставились на академическую основу и осуществлялись по программам Академии наук. Путешественные записки представляли собой не только научные отчеты и описания, делавшиеся учеными. Они становятся одной из наиболее распространенных жанров литературы, вызывающей повышенный интерес читателя, а само описание страны или ее частей совмещалось с поднятием в ней острых общественно-политических вопросов современности. Такого рода совмещение имело место при описании России французским аббатом Шаппом д'Отерошем в первые годы царствования Екатерины II, которое длилось 15 месяцев (Каррер д'Анкокс, 2005: 24), или путешествия из Петербурга в Москву А.Н. Радищева в завершающий период этого царствования. Данный литературный жанр хорошо мог совмещаться даже с жанром социальной утопии, и это интересно получилось в произведении князя М.М. Щербатова «Путешествие в землю Офирскую». За описанной в нем поездкой по фантастической «земле Офирской», помещенной автором в противоположном от России углу земли, вблизи не открытой к тому времени Антарктиды, некоего шведского дворянина хорошо проглядывалась поездка по России по традиционному маршруту между двумя столицами, привычная к тому времени для многих дворян и купцов (Артемьева, 1994: 47-65). Сами путешествия и их описания превращались в особую форму культуры, причем от описаний путешествий все больше требовалась увлекательность и занимательность. В них стало обращать внимание не только информационные, но и литературные достоинства. Это способствовало возникновению романа с описанием путешествия как особого и совершенно самостоятельного жанра художественной литературы, возможность которой в XIX в. с наибольшей полнотой в мировой литературе удалось раскрыть Жюль Верну. В его творчестве тема путешествия стала важнейшей, и романы его о различных путешествиях приобретали большую популярность в европейской культуре. К лучшим художественным образцам описания путешествия, не являющегося романом, относится произведение И.А. Гончарова «Фрегат "Паллада"». Выдающийся русский писатель дал описание не только морского плавания на этом фрегате по трем океанам, в котором он участвовал, но и сухопутного проезда по одной из наиболее труднодоступных и отдаленных частей Российской империи, от побережья Охотского моря, где он высадился на сушу, к Якутску, а затем к Иркутску. В нем он большое внимание уделил разным сторонам жизни местного населения, характеру людей и особенностям их культуры.

По мере развития науки в XIX в. все более становилась заметна разница между экспедицией с научными целями и поездкой с какой-либо частной целью, ради получения знаний о стране или об ее определенной территории. Поэтому расхождение между научным и художественным стилем описания путешествий оказывалось все более заметным. В то же время в описаниях путешествий литературного характера авторы нередко не отказывались от использования документального материала и статистики. Посетивший в 1882 г. Нижний Дон столичный журналист И. Кольцов в своем литературном описании, помещенном в журнале «Дело», приводил подробную статистику грузооборота портов на Азовском море (Кольцов, 1882, № 8: 294) и стоимости рыболовных сетей (Кольцов, 1882, № 10: 77), которые использовали казаки в низовых донских станицах. Такой статистический материал помогал ему полнее и глубже раскрыть не только экономические особенности территории, но и черты характера людей, связанных с этими отраслями хозяйства и своим трудом вносящих вклад в эту статистику.

Пореформенная модернизация России и связанная с ней деловая активность, промышленная и финансовая деятельность сделали поездки по стране и за ее пределы не только средством удовлетворения интереса к географии и истории, но и настоятельной экономической необходимостью. Это обстоятельство способствовало возрастанию спроса на знание о странах и отдельных их территориях, результатом которого стало формирование страноведения как особой отрасли культуры. По вопросу о возможности отнесения страноведения к научным географическим дисциплинам высказываются разные точки зрения. Уже в период деятельности выдающегося отечественного географа и статистика П.П. Семенова-Тян-Шанского, под редакцией которого с 1881 до 1899 гг. осуществлялось большое комплексное географическое описание Российской империи под общим названием «Живописная Россия» в 12 томах, идея синтеза научных географических знаний и знаний других дисциплин получила реальное воплощение. Свое развитие эта идея нашла в издании серии описаний страны «Россия. Полное географическое описание нашего отечества», главным редактором которого был П.П. Семенов-Тян-Шанский. В этом издании из намечавшихся 22 томов вышло в свет до революционных событий 1917 г. 11 томов. Дальнейшее обоснование идеи междисциплинарного синтеза географических и других дисциплин предлагал советский ученый, основоположник экономической географии в СССР Н.Н. Баранский. Он подчеркивал, что тенденция к научной специализации, к выделению в географии разных ее направлений, неизбежная по мере развития науки и методов ее исследования, не вполне соответствует потребности в получении комплексного, интегрированного знания о стране и ее территориях. Отсюда он делал вывод, что для более широкого круга читателей, не относящихся к профессиональному цеху географов, бывает «нужен не физико-географ и не эконом-географ, а страновед», способный синтезировать в своем сознании самый широкий круг знаний о стране и ее регионах и приближаться к идеалу междисциплинарного взаимодействия ради получения нового обобщающего знания. Но при таком подходе, как указывал Н.Н. Баранский, «интерес к данной стране в целом» означал «прежде всего интерес к человеку» (Баранский, 1980: 29). Таким образом, гуманитарная составляющая страноведения и ее первостепенная значимость была для выдающегося советского географа совершенно очевидной.

В этом отношении взгляды российских и советских географов на страноведение в значительной степени сближались с направлением географической и страноведческой мысли на рубеже XIX–XX вв., которые высказывал выдающийся французский географ и представитель французской географической школы П. Видаль де ла Блаш. Выступая с критикой идеи природно-географической предопределенности в развитии общества, которая содержалась в выводах немецкого географа и этнолога Ф. Ратцеля, он указывал на активную и творческую роль человека, на наличие возможности реализовать условия для исторического развития благодаря его качествам и способностям, преодолевая неблагоприятные особенности природно-географической среды. Поэтому направление в географической науке, которое обосновывал П. Видаль де ла Блаш, получило название POSSИБИЛИЗМА. Оно тесно связано с понятием о возможности, зависящей от человека, его разума, воли и способностей. Это, в свою очередь, предопределяло внимание к вопросу о человеке в географическом пространстве, о соотношении при описании страны и региона природной и культурно-исторической составляющей, о связи между их географическими и антропологическими характеристиками. Страноведение как особая, интегрирующая форма знания включала в себя несколько более конкретных и определенных типов знания. Среди этих типов А.М. Козырева выделяла такие, как научный, информационный, публицистический и образовательный (Козырева, 2012: 13-14). Что касается научного, то он должен был занимать свое место на стыке дисциплин естественного и социогуманитарного цикла. С естественными дисциплинами он имеет общность в связи с тем, что определяющей стороной в нем является физическая география. С дисциплинами обществоведческого цикла связь состоит в том, что объект познания и описания в страноведении – это не только природно-географическая среда, но и проживающие в условиях этой среды общества. С гуманитарными дисциплинами общность состоит в том, что в центре внимания страноведческих описаний стоит человек как представитель конкретного сообщества в условиях окружающей географической среды.

Но, помимо научного, еще одним типом знания в рамках страноведения выделяются информационный и публицистический. Этот тип знания рассчитан на широкого потребителя и в еще большей степени предполагает внимание к теме человека на земле, к культурно-антропологической составляющей страноведения. Также он требует такого изложения материала о стране или части ее территории, чтобы передать не только конкретные сведения, относящиеся к ней и к живущим в ней людям, но и изложить их в художественной форме, доступной и интересной для непрофессионального читателя, вкусы которого сформировались уже благодаря художественной литературе, посвященной путешествиям.

Таким образом, научность выделяется в качестве одной из сторон страноведения как отрасли культуры, в большей мере рассчитанной на более широкий круг читателей, чем профессиональная научная среда. В таком случае перед страноведением с неизбежностью стоит вопрос об источниках знаний о стране в целом и о ее частях с их физико-географическими и культурно-историческими

особенностями. С учетом особой важности культурно-антропологической составляющей одним из таких источников становятся описания и записки путешественников, начиная с конца XIX в., то есть с того периода, когда четко обозначилось страноведение как особая форма комплексного знания о стране. Говоря о характерных чертах подобных описаний, Н.Н. Баранский отмечал, что они по существу изначально, начиная еще с античности, представляли собой «набор самых разнообразных данных о стране и о ее населении, сведений, касающихся и природы, и хозяйства, и общественного устройства, и домашнего быта» (Баранский, 1980: 18). Подобные сведения встречались и в описаниях новейшего времени. Но такого рода описания, как он совершенно справедливо указывал, не могли быть сколько-нибудь полными и систематическими. При данном порядке описания, «маршрутном», как его назвал Н.Н. Баранский, это не случайно. На возникавший вопрос о том, что становилось содержанием подобных описаний, выдающийся географ отвечал: «Все, что поражало путешественника и в природе, и в любой стороне жизни и хозяйства страны» (Баранский, 1980: 18). С психологической стороны указано верно. В самом деле, поражает и удивляет всегда то, что относится к специфике страны и ее культуры, к тому, что автор не встречает в привычной для себя обстановке. И в этом отношении путешественники как сторонние наблюдатели в своих описаниях фиксировали прежде всего то, что могло показаться им в качестве такой специфики по сравнению с той культурой, к которой они принадлежали, и с окружающей их природой. Отсюда следует первый недостаток таких описаний с точки зрения Н.Н. Баранского, которым является их субъективность. Но он указывал и на другой недостаток подобной литературы для страноведения. «Свести эти описания, как письменные, так и устные, в какую-либо систему было бы абсолютно невозможно» (Баранский, 1980: 19), – подчеркивал он. В самом деле, такие авторские описания и не претендовали на то, чтобы представить читателю общие и целостные сведения об описываемой стране или о части ее территории.

В отношении задач комплексного страноведения невозможно не признать правоту Н.Н. Баранского. Действительно, подобного рода авторские описания путешествий отличаются субъективностью, и в них отсутствует комплексный подход к стране и региону, к их физической географии и к культурно-исторической стороне, все это дается фрагментарно, в свете авторских наблюдений и впечатлений.

При всех очевидных недостатках в описаниях поездок и путешествий с точки зрения страноведения, на которые указывал Н.Н. Баранский, развивавшееся в России страноведение обратило на них в начале XX в. свое самое пристальное внимание. Не случайно поэтому известные российские географы и преподаватели географии А. Крубер, С. Григорьев, А. Барков и С. Чефранов составили и издали в 1903–1904 гг. два обстоятельных сборника описаний путешествий. Первый из них относился к Азиатской части России, второй – к Европейской ее части. В каждом из них содержались описания путешествий по отдельным местностям страны. По своему содержанию такие описания могут быть разделены на описания какой-то достаточно обширной отдельной части страны, или какого-то значимого города, дороги, в том числе железной дороги или водного пути, или какой-то этнокультурной группы, иногда с некоторыми сторонами характерного для нее образа жизни. Примерами описаний, посвященных обширной территории, могут служить «Степи Северного Кавказа» и «По Семипалатинской области», или «Лесной край на верхних притоках Волги» и «Полтавщина». Для описаний городов или местностей – «Сочи» и «Жизнь в Обдорске», или «Рига» и «Сарепта». Описание дороги – «От Москвы до Челябинска», «По Дону» или «От Урала до Томска». Этнокультурные группы – «У осетин», «Верхнеудинские буряты», «У литовцев», «Калмыки», «Казанские татары» и другие описания.

Такая значимая этнокультурная группа и сословие Российской империи, как казаки, со своими правовыми, социальными, культурными чертами, с особенностями образа жизни также оказались в центре внимания составителей описаний. Два описания, «Кубанские казаки» Апостолова в составе «Азиатской России» и «У казаков» В. Короленко в составе «Европейской России», целиком посвящены кубанскому и уральскому казачеству. В некоторых других описаниях казаки занимают их часть, более или менее существенную. Весьма значительное место отведено донским казакам в описании «По Дону» Каронина и Филишова. Несколько менее значительная часть, посвященная сибирским казакам, имеется в описании «В Степном крае» В. Головачева и забайкальским казакам в описании Бродовича «По Забайкалью».

Положение авторов-путешественников по отношению к казачеству как объекту своего повествования было не одинаковым. Так, совершенно очевидно, что Апостолов достаточно долгое время пробыл в пределах Кубанской области, наблюдал внутреннюю жизнь и быт кубанцев «изнутри» и мог передавать существенные подробности. Другие авторы находились в пределах казачьих войск как люди временные, приезжие со стороны. Но и при этом степень их осведомленности различная. Так, целый ряд сторон внутренней жизни уральского и сибирского казачества знали В. Короленко и В. Головачев. Описания донских и забайкальских казаков ограничивались в целом внешними впечатлениями авторов от увиденного. Они обращали особое внимание на некоторые темы. Одной из них, общей для всех указанных описаний, была тема человека на земле, связи его с окружающей природой. Поэтому не случайно природным условиям и

особенностям они уделили в своих описаниях существенное место, тем более, что для жителя внутренней России такие условия были нередко непривычны. Для авторов описания «По Дону», проделавших путь вниз по реке на пароходе от пристани Калач-на-Дону до Ростова, таким необычным явлением оказалась летняя жара, типичная для этих мест, но непривычная для приезжего из губерний Центральной России. «Все кругом выжжено солнцем, и только белые пучки ковыля колышутся по ветру, словно длинные, седые бороды», – записывали свои впечатления Каронин и Филиппов. Поэтому и показалось им, что «ночи здесь, действительно, дивно хороши» (По Дону, 1904: 465). Другое впечатление от донской природы связано с самой рекой – ее маловодностью, множеством отмелей и перекатов. И только вблизи Ростова Дон «вдруг стал громадною, глубокою рекой» (По Дону, 1904: 472), а по его берегам – «необозримые луга, изредка только украшенные кустарником» (По Дону, 1904: 470). Весьма благоприятное впечатление от летней природы Забайкалья выразил Бродович. Ему бросалась в глаза «пышная степная растительность», и вообще он находил «много сходства в Агинской степи с морем» (По Забайкалью, 1903: 463-464). В качестве природного обстоятельства, затруднявшего ведение в крае хозяйственной деятельности, он называл вовсе не суровую зиму, а эпизоотии, к которым относились «сибирская язва и чума». Вообще природные условия способствовали занятию земледелием у забайкальских казаков, а вовсе не только скотоводством, и у них, по словам автора, «овес, ярица и пшеница произрастают очень хорошо и дают большие сборы» (По Забайкалью, 1903: 469).

Другой темой описаний путешествий была тема человека в системе его социальных связей и общественных отношений, его экономического положения. В описаниях «По Дону» и «В Степном крае» содержится указание на то, что в рамках отношений казаков с окружающим населением и с пришлыми на заработки людьми имела место эксплуатация их труда. В описании «По Дону» эта мысль проводится не вполне четко, скорее, косвенно. Так, путешественниками упоминались «казацкие луга» по берегам Дона, на покос которых «стекаются косари со всей России» (По Забайкалью, 1903: 470). Далее авторы не раскрывали каких-либо подробностей во взаимоотношениях между этими пришлыми из внутренней России работниками-косарями и хозяевами-казаками. Но, хорошо известно, что это были отношения вольного найма, а отход работников из центральных губерний на Юг России ради заработка был широко распространен в пореформенный период. И, по-видимому, в связи с отвлечением на службу у самих казаков не хватало рабочих рук и им приходилось использовать труд наемных рабочих. Более определенно об эксплуатации казаками труда окружающего населения говорится в описании В. Головачева «Степной край», и относится оно к сибирским казакам, которых, как он подчеркивал, «нужно считать наиболее привилегированной и обеспеченной частью населения» большой территории к югу от Омска по Иртышу. Он указывал на «зажиточность казаков». Но такое их положение было создано «не земледельческим трудом» и даже не «выгодными, более или менее обширными операциями со скотом и продуктами скотоводства». Ни земледелие, ни скотоводство, ни торговля продуктами скотоводства не стали для казаков Сибирского войска важнейшим источником их зажиточности. Этот источник он видел в привилегиях, которые им предоставило правительство, и заключались они в предоставлении права на землю. По словам автора, такая зажиточность – «естественный результат земельного богатства, позволяющего иметь много скота». Но зажиточность казаков была результатом не только их земельного достатка, но и, как писал автор, «бесцеремонной и беззастенчивой эксплуатации соседних киргиз» (В Степном крае, 1903: 324-325), или казахов, которые работали в казачьих хозяйствах на условиях вольного найма. Вообще тема особых сословных прав казачества, которые обеспечивали для них экономически важные привилегии, затрагивалась В. Короленко в описании своего пребывания у уральских казаков. Казак, перевозивший в Уральске пассажиров от станции в город, разъяснял, что он имеет право на покос травы в силу своей принадлежности к войсковому сословию, тогда как те, кто не принадлежит к казачеству, косить траву в этом месте не имеют права. «Я ведь казак, имею право» (У казаков, 1904: 510), – говорил он своим собеседникам. В этом описании затронут вопрос о влиянии модернизации на традиционный казачий уклад. Постройка железной дороги на Уралск имела для него негативные последствия. «Казачий строй допустил к себе опасного соседа», – подчеркивал В. Короленко, говоря о последствиях появления железной дороги. В результате «на отчужденной земле (в полосе отчуждения железной дороги – Авт.) стали элеваторы, мельницы, склады, задымились трубы, в темные осенние вечера загорелось электрическое освещение». Вблизи центра Уральского казачьего войска появился «целый поселок, живущий своею особенною жизнью». «Вокзал и линия железной дороги – это вторжение "иностранного" элемента в самое сердце исключительно казачьей общины» (У казаков, 1904: 514), – как бы подводил автор свой итог.

Располагая сословными привилегиями, казаки, тем не менее, жили трудовой жизнью, особенности которой зависели от природных условий. Так, согласно Апостолову, кубанские казаки «засевают так много хлеба, что убрать его собственными средствами не в состоянии» (Кубанские казаки, 1903: 13). Поэтому на Кубани неизбежно используют наемный труд «массы рабочих», отходников из внутренних губерний России. Но и при участии в уборке этих рабочих в отдельные годы урожай бывает настолько большой, что и с их помощью невозможно его убрать, «и часть хлеба

остаётся на корню». Вообще, по словам автора, хлебопашество на Кубани тормозило развитие других отраслей, и лишь за последнее время «жители стали обращать внимание на разведение виноградников и фруктовых садов» (*Кубанские казаки, 1903: 14*). Иным был трудовой ритм у уральских казаков, связан он был, прежде всего, с рыболовством. Этому способствовал, писал В. Короленько, уход в прошлое военно-бытовой повседневности на реке Урал, по границе с Киргизской степью. На реке, отмечал он, находились караульные пикеты казаков. Ранее, в условиях военной опасности, эти пикеты «наблюдали за движением орды» (*У казаков, 1904: 519*), но теперь они только следят за рыбой. По его описанию, рыбная ловля на Урале выходила на уровень общевойсковой мероприятия, причем и летом, и зимой. Во время такой работы в Уральском казачьем войске «исчезает всякое иерархическое различие, и казачий офицер, будь он даже полковник, становится в ряд с простым казаком» и выполняет общую работу. Он также справедливо указал на опасности такой ловли. Если даже во время весенней или осенней ловли казак падал в ледяную воду, ему никто не мог помочь, и «масса будар (рыболовных лодок – Авт.) пронесется мимо» упавшего в воду, который выбирался своими силами (*У казаков, 1904: 520*). Совместная ловля рыбы была также у донских казаков, которые, по описанию Каронина и Филиппова, «тянут невод во всю ширину реки» (*По Дону, 1904: 470*). Женскую работу по погрузке рыбы на баржу у астраханских казаков видел В. Немирович-Данченко. Он наблюдал, как казачки «голыми пятками придавливают массу сушеной рыбы, чтобы она занимала как можно меньше места, или просто сидят на рыбе» (*В устьях Волги, 1904: 346*).

Говоря об уровне благосостояния казаков, по существу все авторы оценивали его как достаточно высокое. Несколько более определенно о наличии расслоения среди забайкальских казаков говорил в своем описании Бродович. По его данным, забайкальцы «большею частью зажиточны, если не богаты». Указывая на скотоводство как на главную отрасль их хозяйства, он отмечал, что в среднем на казака приходилось по пять голов скота. Цифра очень неопределенная, поскольку не ясно, что он имел в виду, только ли крупный рогатый скот, или еще и лошадей. Но при этом он справедливо показывал расслоение в казачьей среде, поскольку «гурты местных крезов достигают тысячи и более штук (голов – Авт.)». Соответственно, были «отклонения» и в «другую сторону» (*По Забайкалью, 1903: 469*).

Еще одной важной стороной внутренней жизни казачьих областей были отношения между казаками и неказачьим населением, переселившимся из других территорий страны, известных как иногородние. Более подробно этот вопрос был затронут Апостоловым в описании кубанского казачества. Он указал на появление права «всем лицам неказачьего звания приобретать недвижимую собственность во владениях казачьих войск» после завершения Кавказской войны, «покорения и умиротворения Кавказского края». Но положение этих переселенцев было, по его оценке, неопределенным. С одной стороны, они были «необходимы казакам», поскольку «оживляют промышленность и торговлю края», тогда как казаки, занятые военной службой, не могли выделить достаточно сил для хозяйственной деятельности. Но с другой – казаки «чувствуют себя стесненными громадной массой "иногородних"». Отсюда он указал на вражду между казаками и иногородними, «на которых казаки смотрят свысока». Но эти переселенцы, по словам автора, «не имея ни пяди собственной земли, живут все-таки недурно». Поэтому не случайно то, писал он, что даже предпринимаемые иногда «стеснительные меры» «бессильны, однако, остановить поток переселенцев» (*Кубанские казаки, 1903: 11*). Автор допускал определенную идеализацию в отношениях между казаками и иногородними. На Кубани, как и на Дону, они были очень острыми и стали одной из важных предпосылок развернувшейся в скором времени гражданской войны. Вообще земельные привилегии казачества способствовали напряженности отношений в казачьих областях. Они имели место даже в обеспеченном землей Забайкалье, что нашло отражение в художественной литературе.

Третьей темой в описаниях путешествий по территории казачьих войск была культура казачества и характеристика казачьих сообществ в целом и отдельного человека в свете их культурных связей и особенностей. Наиболее сильно эта тема прозвучала в описании кубанского казачества Апостоловым. Отмечая различие в происхождении кубанского казачества между казаками западной части Кубанской области, предками которых были запорожцы, и казаками восточной части, происходившими от донских казаков и имевшими русские корни, он указывал на то, что в целом «вся Кубанская область представляет настоящую Малороссию» (*Кубанские казаки, 1903: 12*). В описании автора Кубань выглядит как яркий образец синтеза двух казачьих культур, которые нашли свое соединение в рамках казачьего войска – украинской по происхождению культуры черноморцев и русской по своим корням культуры линейцев, происходивших от донских казаков. «Во многих случаях положительно трудно отличить малоросса от великоросса» на Кубани, – замечал он. Такой синтез происходил постепенно и своеобразно. С одной стороны, писал Апостолов, «малорусское наречие» «подверглось значительному влиянию великорусского». Было заимствовано «много оборотов и слов» русского языка «даже в наиболее однородных станицах». Но также «изменилась и великорусская речь» (*Кубанские казаки, 1903: 12*). Во внешнем облике кубанцев «запорожские чубы прекратили свое существование еще в начале прошлого столетия», и «даже на крайнем западе малороссийские усы встречаются все реже и реже» (*Кубанские казаки, 1903: 11*). Но при этом

«малорусские обычаи: колядки, щедрование и др. – распространены здесь повсюду». Такому культурному синтезу способствовал единый для всего казачества порядок несения военной службы, общая культура и традиции хозяйственной деятельности, сходный повседневный быт, выразившийся в постройках жилья и в кулинарных традициях. Даже «великорусский общинный строй со стремлением малороссов к обособлению» на Кубани, отмечал автор, «уживаются вместе», когда имеется и «общинное землевладение», и отделение каждого казака после женитьбы от родительской семьи со стремлением «обзавестись своим хозяйством» (*Кубанские казаки, 1903: 13*). Такой ярко выраженный синтез двух культур, великорусской и малороссийской, не наблюдался в пределах Российской империи нигде, кроме как в Кубанской области, и это было отмечено в описании Апостолова.

Но если казаки русского и украинского происхождения имели культурно-исторические корни в истории казачьих войск – Донского и Запорожского, то в жизни забайкальского казачества произошло включение в состав его элемента иноэтничного, с иными традициями вероисповедания, которым были ближайшими соседями казаков Забайкалья – буряты. Бродович в своем описании путешествия по Забайкалью, отмечал, что «некоторые бурятские роды зачислены в состав забайкальского казачества». «Курьезный вид имеют эти казаки в бурятских халатах и в военных форменных фуражках» (*По Забайкалью, 1903: 469*), – писал он, хотя буряты в полной мере вписались в ряды казачества. Он не отмечал, что в составе Забайкальского казачьего войска, помимо бурят, были еще и эвенки, или тунгусы, как их называли в то время в России. Точно так же, как во всем сборнике о Европейской России не говорится о калмыках – донских казаках.

Своего рода сожителство старой и новой культуры в облике Уральска, главного города Уральского казачьего войска, отмечал В. Короленко. На одной и той же улице города он наблюдал «два полюса, два разных периода истории»; ему виделась «Европа и Азия, прошедшее и будущее этой казачьей страны», куда входила новая культура модерна с ее невиданными ранее чертами. На одной стороне улицы, писал он, «красуются триумфальная арка, европейские магазины, вокзал, элеваторы». Но несколько в стороне от этой новой застройки, в пределах того же города, обстановка совершенно другая. Там «раскинулись "курени": убогие деревянные домишки, порой плетневые мазанки с плоскими крышами». «Здесь уже и не пахнет городом», – подводил автор общий итог своим наблюдениям. Такому остатку уральской казачьей старины, исторические корни которой уходили еще во времена Пугачевского восстания и в еще более ранний период, когда Уральское казачье войско называлось Яицким, соответствовали люди, которых он видел в этой обстановке. «Казачата играют в уличной пыли и на мураве, мимо церкви бредет старый-престарый казачище с посошком и бормочет что-то про себя» (*У казаков, 1904: 514-515*), – писал он о своих живых наблюдениях за бытом города. Старая, глубоко патриархальная обстановка, перед которой культура модерна как бы остановилась на месте расположения вокзала и в зоне отчуждения железной дороги, была им четко отмечена, и контраст между казачьей традицией и элементами культуры модерна в пределах небольшого города показывался очень наглядно. Наблюдение автора представляет значительный интерес. В ходе гражданской войны, которая развернулась вскоре после этого описания, со всей очевидностью выявилось, что уральское казачество не принимало изменений, которые несла революция, самым решительным образом выступало на стороне старины, оказывало сопротивление красным, хорошо известное в эпизоде гибели В.И. Чапаева, и понесло очень значительные потери.

Одна из казачьих традиций – гостеприимство – отмечена Бродовичем в описании забайкальского казачества. Вообще забайкальцы, по его словам, – «красивый, энергичный, бойкий народ, лихие наездники и гостеприимные любезные хлебосолы». Приведенное им «меню обеда простого зажиточного казака», принимавшего гостя, дает понятие об общем достатке. Автору как гостю были предложены водка нескольких сортов и «разные закуски». После закуски богатый обед – четыре сорта супов, пять видов жаркого – «баранина, курица, цыпята – всего не вспомнишь». Далее – несколько сортов каши, на сладкое – рис с фруктами, три сорта желе, два рода киселя, чай с печеньем. Он писал, что для хозяев угощать гостя составляло удовольствие, когда «мать семейства, старая казачка, и две ее дочери просили попробовать всего понемногу» (*По Забайкалью, 1903: 468*).

Описание путешествий дают также некоторые сведения о восприятии казаков и жизни в казачьих областях русскими путешественниками, которые отражают представления, существующие во внутренней России. Авторы описания «По Дону» Каронин и Филиппов отмечали, что, по сравнению с Волгой, Дон производит «странное впечатление». Приезжему из поволжских губерний или из Центральной России кажется, что «точно попал с шумных улиц большого города на тихую деревенскую улицу, поросшую муравкой, где кое-где бродят куры да гуси с утками», а «берега однообразные, унылые и безжизненные» (*По Дону, 1904: 468*). Более оживленный вид имеет Нижний Дон после станицы Цымлянкой, где «начинается область донского виноделия», но и более живописная природа не изменила прежнего «мирного, почти сонного вида реки и раскинувшихся по ее берегам станиц» (*По Дону, 1904: 472*). По существу, такое описание соответствует представлению в России о Доне как об области, которую бурное модернизационное развитие страны затрагивает лишь по краю, вдоль полосы Юго-Восточной железной дороги от Воронежа до Ростова и отчасти в городах и в пределах Донецкого каменноугольного бассейна. Это закрепляло также представление о том, что

казачий уклад на Дону очень консервативен и слабо поддается модернизации и прогрессу, а донские казаки представляют собой один из остатков социального строя России, сложившихся в русском средневековье и сохранившихся в новое время.

5. Заключение

Становление страноведения на рубеже XIX–XX вв. как отрасли культуры, рассчитанной на широкий круг образованных читателей и интегрировавшей в себе географические знания и знания ряда других дисциплин, способствовало усилению внимания к описаниям путешествий как к одному из своих источников. Вместе с тем описания путешествий в полной мере признает в качестве своего источника историческая наука, и как исторический источник они близки к воспоминаниям и могут рассматриваться как разновидность мемуаров. Отсюда в то время возникал интерес к публикации описаний путешествий. В сборники таких описаний, подготовленных в 1903–1904 гг. известными географами А. Крубером, С. Григорьевым, А. Барковым и С. Чефрановым, был включен ряд описаний путешествий по казачьим областям. В них затрагиваются несколько общих тем, таких как человек на земле, человек в обществе и в социальных связях, особенности культуры казачества и человек как носитель казачьей культуры. Подчеркивается своеобразный синтез в культуре кубанского казачества малороссийской и великорусской культур, а также совмещение традиционной культуры уральского казачества и элементов культуры модерна в облике города Уральска. Прослежено отразившееся в описаниях путешествий восприятие казачества как явления консервативного и слабо поддающегося модернизации и прогрессу. Описания путешествий по казачьим областям в сборниках 1903–1904 гг. дают вместе с тем представление о субъективном восприятии русскими путешественниками казачьих областей во внутренней России как территорий с устойчивыми консервативными традициями и с укладом, слабо поддающимся прогрессу и модернизации.

Литература

- Алпатов, 1973** – Алпатов М.А. Русская историческая мысль и Западная Европа (XII–XVII в.). М.: Наука, 1973.
- Алпатов, 1976** – Алпатов М.А. Русская историческая мысль и Западная Европа (XVII – первая четверть XVIII века). М.: Наука, 1976.
- Артемьева, 1994** – Артемьева Т.В. Михаил Щербатов. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1994.
- Баранский, 1980** – Баранский Н.Н. Страноведение и география физическая и экономическая / Баранский Н.Н. Избранные труды. Научные принципы географии. М.: Мысль, 1980. С. 18-51.
- Варшавчик, 1973** – Варшавчик М.А. Источниковедение истории КПСС. Учеб. пособие. М.: Высшая школа, 1973.
- В Степном крае, 1903** – В Степном крае / Азиатская Россия. Иллюстрированный географический сборник, составленный преподавателями географии А. Крубером, С. Григорьевым, А. Барковым и С. Чефрановым. М.: Типо-литторгафия Т-ва И.Н. Кушнера и К°, 1903. С. 318-325.
- В устьях Волги, 1904** – В устьях Волги / Европейская Россия. Иллюстрированный географический сборник, составленный преподавателями географии А. Крубером, С. Григорьевым, А. Барковым и С. Чефрановым. М.: Типо-литторгафия Т-ва И.Н. Кушнера и К°, 1904. С. 341-352.
- Источниковедение, 1981** – Источниковедение истории СССР: Учебник / Под ред. И.Д. Ковальченко. М.: Выс. школа, 1981.
- Источниковедение, 2015** – Источниковедение: Учеб. пособие / И.Н. Данилевский, Д.А. Добровольский, Р.Б. Казаков и др.; Отв. ред. М.Ф. Румянцева. М.: Изд. дом ВШЭ, 2015.
- Каррер д'Анкокс, 2005** – Каррер д'Анкокс Э. Предисловие / Каррер д'Анкокс Э. Императрица и аббат. Неизданная литературная дуэль Екатерины II и аббата Шаппа д'Отероса / Пер. с фр. О. Павловской. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005. С. 5-54.
- Козырева, 2012** – Козырева А.М. Страноведение. Ярославль: Изд-во ЯрГУ им. П.Г. Демидова, 2012.
- Кольцов, 1882** – Кольцов И. С низовьев Дона / Дело. 1882. № 8. С. 285-312; № 10. С. 55-86.
- Козлов, 2003** – Козлов С.А. Русский путешественник эпохи Просвещения. СПб.: Историческая иллюстрация, 2003.
- Кубанские казаки, 1903** – Кубанские казаки / Азиатская Россия. Иллюстрированный географический сборник, составленный преподавателями географии А. Крубером, С. Григорьевым, А. Барковым и С. Чефрановым. М.: Типо-литторгафия Т-ва И.Н. Кушнера и К°, 1903. С. 10-14.
- Минц, 1998** – Минц С.С. Мемуары и российское дворянство. Источниковедческий аспект историко-психологического исследования. СПб.: Нестор, 1998.
- По Дону, 1904** – По Дону / Европейская Россия. Иллюстрированный географический сборник, составленный преподавателями географии А. Крубером, С. Григорьевым, А. Барковым и С. Чефрановым. М.: Типо-литторгафия Т-ва И.Н. Кушнера и К°, 1904. С. 465-474.
- По Забайкалью, 1903** – По Забайкалью / Азиатская Россия. Иллюстрированный географический сборник, составленный преподавателями географии А. Крубером, С. Григорьевым, А. Барковым и С. Чефрановым. М.: Типо-литторгафия Т-ва И.Н. Кушнера и К°, 1903. С. 458-469.

Тартаковский, 1980 – *Тартаковский А.Г.* 1812 год и русская мемуаристика. М.: Наука, 1980.

Тихомиров, 1962 – *Тихомиров М.Н.* Источниковедение истории СССР. Учеб. пособие. М.: Соцэкгиз, 1962.

У казаков, 1904 – У казаков / Европейская Россия. Иллюстрированный географический сборник, составленный преподавателями географии А. Крубером, С. Григорьевым, А. Барковым и С. Чефрановым. М.: Типо-литорафия Т-ва И.Н. Кушнера и К°, 1904. С. 507-521.

References

Alpatov, 1973 – *Apratov M.A.* (1973). Russkaja istoricheskaja mysl i Zaradnaja Evropa (XII-XVII v.) [Russian historical thought and Western Europe (XII –XVII centuries)]. М.: Nauka.

Alpatov, 1976 – *Apratov M.A.* (1976). Russkaja istoricheskaja mysl i Zaradnaja Evropa (XVII – pervaja chetvert XVIII veka) [Russian historical thought and Western Europe (XII –XVII centuries)]. М.: Nauka.

Artemjeva, 1994 – *Artemjeva T.V.* (1994). Mijail Sherbatov [Mihail Sherbatov]. SPb.: Izd-vo SPbGU.

Baranskij, 1980 – *Baranskij N.N.* (1980). Stranovedenie i geografija fizicheskaja i ekonomicheskaja / Baranskij N.N. Izbrannye trudy. Nauchnye principy geografii [Geography and geography physical and economic // Baransky N. N. Selected works. Scientific principles of geography]. М.: Mysl.

Istochnikovedenie, 1981 – *Istochnikovedenie istorii SSSR. Uchebnik* [Source study of the History of the USSR: Textbook. Edited by I. D. Kovalchenko]. Pod red. I.D. Kovalchenko. М.: Vys. Shkola, 1981.

Istochnikovedenie, 2015 – *Istochnikovedenie: ucheb, posobie* [Source study. Textbook]. I.N. Danilevskij, D.A. Dobrovolskij, R.B. Kazakov i dr.; otv. red. M.F. Rumjanceva. М.: Izd. dom VSHE, 2015.

Karrer d'Ankoss, 2005 – *Karrer d'Ankoss E.* (2005). Predislovie. Imperatriva i abbat. Neizdannaja literaturnaja duel Ekateriny II i abbata Shappa d'Oterosha [Foreword / Carrer d ances E. the Empress and the Abbot. Unpublished literary duel of Catherine II and the Abbe Chappe d'Oceros]. Per. s fr. O.Pavlovskoj. М.: OLMA-PRESS, Pp. 5-54.

Kolcov, 1882 – *Kolcov I.* (1882). S nizovjev Dona [From the lower Don]. Delo. № 8. Pp. 285-312; № 10. Pp. 55-86.

Kozlov, 2003 – *Kozlov S.A.* (2003). Russkij puteshestvennik epohi Prosvesheniya [Russian traveler of the Age of enlightenment]. SPb.: Istoricheskaja ilustracija.

Kozyrewa, 2012 – *Kozyrewa M.A.* (2012). Stranovedenie. Uchebnoe posobie [Country geography. Textbook]. Jaroslavl: Izd-vo JarGU.

Kubanskije kazaki, 1903 – Kubanskije kazaki [Kuban Cossacks]. Aziatskaja Rossija. Illustrirovannyj geograficheskij sbornik, sostavlennyj prepodavatelami geografii A. Kruberom, S. Grigorjevym, A. Barkovym i S. Chefranovym. М.: Типо-литорафия Т-ва I.N. Kushnera i K°, 1903. Pp. 10-14.

Minc, 1998 – *Minc S.S.* (1998). Memuary i rossijskoe dvorjanstvo. Istochnikovedcheskij aspect kulturno-istoricheskogo issledovanija [The memoirs and the Russian nobility. Source study aspect of historical and psychological research]. SPb.: Nestor.

Po Donu, 1904 – Po Donu [Along the Don]. Evropejskaja Rossija. Illustrirovannyj geograficheskij sbornik, sostavlennyj prepodavatelami geografii A. Kruberom, S. Grigorjevym, A. Barkovym i S. Chefranovym. М.: Типо-литорафия Т-ва I.N. Kushnera i K°, 1904. Pp. 465-474.

Po Zavajkalju, 1903 – Po Zavajkalju [Alnng the Trans-Baikal Region]. Aziatskaja Rossija. Illustrirovannyj geograficheskij sbornik, sostavlennyj prepodavatelami geografii A. Kruberom, S. Grigorjevym, A. Barkovym i S. Chefranovym. М.: Типо-литорафия Т-ва I.N. Kushnera i K°, 1903. Pp. 458-469.

Tartakovskij, 1980 – *Tartakovskij A.G.* (1980). 1812 god i russkaja memuaristika [The year of 1812 and Russian memoirs]. М.: Nauka.

Tihomirov, 1962 – *Tihomirov M.N.* (1962). Istochnikovedenie istorii SSSR. Ucheb. posobije [Source study of the History of the USSR: Textbook]. М.: Socekgiz.

U kazakov, 1904 – U kazakov [At the Cossacks]. Evropejskaja Rossija. Illustrirovannyj geograficheskij sbornik, sostavlennyj prepodavatelami geografii A. Kruberom, S. Grigorjevym, A. Barkovym i S. Chefranovym. М.: Типо-литорафия Т-ва I.N.Kushnera i K°, 1904. Pp. 507-521.

V Stepnom kraje, 1903 – V Stepnom kraje. Aziatskaja Rossija. Illustrirovannyj geograficheskij sbornik, sostavlennyj prepodavatelami geografii A.Kruberom, S.Grigorjevym, A.Barkovym i S.Chefranovym [In the Steppe region. Asian Russia. Illustrated geographical collection compiled by teachers of geography A. Kruber, S. Grigoriev, A. Barkov and S. Chefranov]. М.: Типо-литорафия Т-ва I.N.Kushnera i K°, 1903. Pp. 318-325.

V ustjah Volgi, 1904 – V ustjah Volgi. Evropejskaja Rossija. Illustrirovannyj geograficheskij sbornik, sostavlennyj prepodavatelami geografii A.Kruberom, S.Grigorjevym, A.Barkovym i S.Chefranovym [In the mouths of the Volga, European Russia. Illjustrirovannyi geographical compendium compiled by the teachers of geography A. Kruber, S. Grigoriev, A. Barkov and S. Chefranov]. М.: Типо-литорафия Т-ва I.N. Kushnera i K°, 1904. Pp. 341-352.

Varshavchik, 1973 – *Varshavchik M.A.* (1973). Istochnikovedenie istorii KPSS. Ucheb. posobije [Source study of the History of the CPSU. Textbook]. М.: Vysshaja shkola.

Казачьи области России в характеристиках русских путешественников эпохи модернаНиколай Александрович Мининков ^{а, *}, Людмила Владимировна Мининкова ^а^а Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Российская Федерация

Аннотация. Развитие на рубеже XIX–XX вв. страноведения как отрасли знания, обобщающей данные о стране или отдельных ее территориях из разных отраслей географии и других научных дисциплин, вызывалось потребностями в них по мере развития поездок и расширения контактов между людьми. Этому способствовала активизация деловой жизни в ходе развернувшейся в тот период модернизации. Отсюда возникала необходимость расширения круга источников страноведческих знаний, одним из которых были описания путешествий, которые также являются историческим источником, близким по своим особенностям к авторским воспоминаниям. В 1903–1904 гг. в России было издано два сборника таких описаний. Часть из них относилась к описанию путешественниками казачьих областей. В них сведения авторов о казачестве отразились в разной степени, они или хорошо знали казачью среду, или записывали общие впечатления в ходе своих поездок. Среди основных тем, затрагивавшихся авторами, были природные условия и место человека в природном окружении, социальные отношения и связи в казачьих областях в процессе модернизации, особенности культуры и сочетание традиций и новых явлений. Значительное место в них уделялось человеку и его культуре, контактам казачества с окружающим населением, формированию в культуре кубанского казачества своеобразного синтеза малороссийской и великорусской культур. Описания свидетельствуют об особенностях восприятия в России казачества в качестве сообщества с устойчивыми традициями, которое слабо воспринимает общественный прогресс и модернизацию.

Ключевые слова: страноведение, описание путешествий, А. Крубер, казачество, модернизация в казачьих областях, социальные отношения в казачьих областях, культура казачества.

* Корреспондирующий автор
Адреса электронной почты: mininkov@aanet.ru (Н.А. Мининков)